

УДК 81'1

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕРЕСПРОСА В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРА

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)
m.poutrova@psu.by

Постулируется, что переспрос есть речевое действие, дистинктивной иллокуцией которого является уточнение услышанного. Данная иллокуция отличает его как от других разновидностей повтора, так и от всего разнообразия существующих речевых действий. Устанавливаются отличительные языковые особенности конструирования переспроса в зависимости от гендера говорящей личности. Показывается целесообразность описания данных особенностей не с помощью оппозиции наличие / отсутствие признака, а в терминах тенденций в использовании языковых средств.

Ключевые слова: переспрос, иллокуция, уточнение сказанного, речевые действия, язык как деятельность, рифма, маркер гендера, подлинное говорение, частотность, слоговая модель, акцентная структура, одиночество, агрессивность, сила, автономность.

Введение. Языковые особенности реализации гендера в последнее время относятся к весьма притягательным аспектам изучения феномена гендера, ведь именно они позволяют говорить о нем как о глубоко социальном, не биологическом явлении.

В значительном количестве случаев, однако, объектом исследования избираются эпизоды дерогативности, недостаточной политкорректности или особенности реализации текста в целом, устного или письменного. Не отрицая значимости подобных подходов, представляется правомерным заметить, что наши знания о языке являются все-таки результатом гораздо более разнообразных по своей направленности исследований, скрупулезного рассмотрения всех встречающихся сначала в письменных, а потом и устных текстах форм использования языка. Данный подход представляется целесообразным и в изучении гендера. Тщательный анализ фактов употребления языка позволит получить убедительные данные о закономерностях и тенденциях в манифестации языковых средств в зависимости от гендерной принадлежности говорящего или пишущего субъекта.

В настоящей работе представлены результаты исследования функционирования одной из многочисленных составляющих языка как деятельности, а именно: речевого действия переспроса, до самого последнего времени остающегося малоизученным явлением в лингвистике. Между тем переспрос относится к весьма частотным речевым действиям, и без него общение весьма проблематично.

Неизученность действий переспроса определяет новизну настоящего исследования, а выявление возможных отличий в их репрезентации в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта позволяют заявить об актуальности работы в плане описания гендера, сопоставительного изучения языков и манифестации устного общения в четырех культурах.

Основная часть. Формально переспрос является одной из разновидностей повтора, широко распространенного явления в вербальном поведении человека. В последнее время лингвисты уделяют ему (повтору) весьма пристальное внимание. Можно даже считать пройденным тот период, когда повторы, переспросы в том числе, интерпретировались как помехи, дисфлуэнтные вставки, заполнители молчания и т.п. и из записей подлинного общения исключались, а в случаях их особой частотности могли быть отброшены и сами записи как не отвечающие неким стандартам правильного говорения. В настоящее время уже понятно, что повторы представляют собой неотъемлемую часть говорения, языка как деятельности, требующую тщательного изучения, прежде всего адекватной классификации и рассмотрения каждой конкретной разновидности в отдельности.

Переспрос, по нашему разумению, как раз и является такой разновидностью, отличающейся от других повторов своей четко очерченной иллокутивностью и выполняющей совсем другие функции в развитии диалога, чем, например, повтор-интенсификация, повтор-обдумывание, повтор-регистрация, повтор-пауза-передышка, повтор-планирование. По нашим наблюдениям, повтор-переспрос манифестируется тогда, когда возникает необходимость уточнения услышанного, когда собеседнику требуется убедиться в правильности воспринятого сигнала – слова, словосочетания, фразы.

Изучение литературы по обозначенной теме позволило убедиться, что данное речевое действие, в отличие от других разновидностей повтора, остается малоизученным. Во всяком случае, в наше поле зрения попали только работы интонологов, очерчивающие специфику их просодической организации, да и то преимущественно в английском языке [1, с. 122]. Имеются также весьма интересные работы, ставящие своей целью показать, что все известные поэтике приемы рифмования возникли именно на основе

действий переспроса, так или иначе участвующих в создании перекликающихся по форме компонентов диалогических единств [2, с. 119–134].

Наша цель иная и вытекает из гипотезы, постулирующей, что определенные характеристики переспроса, формальные или семантические, могут соотноситься с гендерной идентичностью говорящего субъекта. В результате, помимо реализации своей основной функции – уточнения правильности услышанного сигнала, – переспросы способны еще и участвовать в конструировании гендера. Установление гендерно специфических черт речевых действий переспроса, таким образом, составляет главную задачу настоящего исследования.

Материалом для него послужили записи подлинного общения в четырех культурах (английской, американской, русской и белорусской), состоящие примерно из сорока тысяч слов в каждой из данных культур, а также записи, полученные в ходе длительного наблюдения за подлинным вербальным поведением в названных культурах.

Рассмотрим следующие фрагменты из наших записей.

1. A₁: *А там! Такой писк!*
 Б₁: *Диск?*
 А₂: *Писк, говорю! Пищат котята.*
 Б₂: *А-а!*
 А₃: *Писк!*
 Б₃: *Ну да! И что?*

2. A₁: *Хорошо. Неделя тебе на это.*
 Б₁: *Не делится?*
 А₂: *Что?*
 Б₂: *Ты говоришь, не делится?*
 А₃: *Неделя тебе, грю, ой!*
 Б₃: *А-а!*
 А₄: *На все на это.*
 Б₄: *Мм!*
 А₅: *Вот. На все, на все!*
 Б₅: *Да.*
 А₆: *Да. На все, все, все!*

3. A₁: *That's her life.*
 Б₁: *Drive?*
 А₂: *Life, love.*
 Б₂: *Ah yes!*
 А₃: *That's her life. That's her life.*
 Б₃: *I see!*

Как видим, в каждом из приведенных фрагментов содержится переспрос (см. 1Б₁, 2Б₁, Б₂, 3Б₁). Любопытно, что помимо переспросов в них имеются и другие разновидности повторов: разъяснение (1А₂, А₃), подхват (2А₆ – *да*), относящийся к одним из самых эффективных средств объединения реплик в составе диалогического единства, повтор-интенсификация (2А₅, А₆ – *на всё, на всё!*), повтор-констатация-обдумывание (3А₃). Последние имеют другие, отличные от переспроса иллокуции и не могут быть использованы для достижения вполне простой и понятной цели – запроса для уточнения формы и смысла услышанной реплики или ее фрагмента. Таковыми в приведенных фрагментах являются только реплики *Диск?*, *Не делится?* и *Drive?* Как видим, они действительно рифмуются с предыдущими речевыми действиями и, если следовать логике некоторых работ по рифмике, вполне могут быть основанием для развития определенных форм рифмы.

Гендерная специфика реализации приведенных фрагментов гораздо менее очевидна. Для ее выявления нами был рассмотрен целый ряд показателей, способных раскрыть особенности реализации реплик-переспросов. Прежде всего количественные показатели их встречаемости.

При кажущейся простоте их выявления они на самом деле весьма сложны для интерпретации. По нашим данным, переспрос относится к относительно распространенным речевым действиям во всех анализируемых культурах и во всех возрастных группах информантов. Однако само действие переспроса может быть реализовано и в форме других локуций, то есть с помощью других языковых и паралингвистических единиц по сравнению с теми, которые используются говорящими в потребовавшей переспроса реплике. В нашем материале таковыми оказались:

– специальные вопросы (*Куда, куда ты положила?*);

– интонационные образования (*мм?*, *hè? zə?* и т.п.), представляющие собой минимизированные вокализованные единицы, в которых осуществляется интонация переспроса, и которые регистрируются во всех культурах;

– эксплицитные переспросы, смысл которых однозначно указывает на цель уточнения сказанного (*Як, як?*, *Что ты сказала?*, *What did you say?*);

– формулы вежливости (*Pardon?*);

– молчаливые переспросы, в которых знак переспроса осуществляется с помощью соответствующего выражения лица, глаз, движением бровей, то есть не языковыми средствами;

– смешанные (молчание плюс формула вежливости, молчание плюс специальный вопрос).

Представленные варианты реализации переспроса также имеют своей иллюзией уточнение услышанного, однако в отличие от повтора-переспроса они не реализуются в форме, которая совместно с предыдущей репликой другого собеседника могла бы образовать рифмующуюся пару, определенное диалогическое единство, составляющие которого отличаются в той или иной мере выраженным фонетическим созвучием.

Полученные данные о частотности переспросов-повторов целесообразно поэтому соотнести с показателями частотности переспросов в целом. Если за 100% принять сначала количество всех переспросов в каждой культуре, а потом только переспросов-повторов, то получается следующая картина (таблица).

Таблица – Относительное количество переспросов в аспекте гендера

Культура	Американская		Английская		Белорусская		Русская	
Гендер	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
Переспрос в целом	57,5	42,5	55	45	52,5	47,5	56,25	43,75
Переспрос-повтор	58,75	41,25	57,5	42,5	55	45	58,75	41,25

Как видно из представленных данных, переспрос как таковой (в меньшей степени) и переспрос-повтор (чуть в большей степени) относятся к гендерно мало различительным признакам по общим показателям своего употребления и могут быть интересны скорее для лингвистики трудноуловимого, незаметного. Вместе с тем они обращают внимание на упорный характер несколько более высоких показателей встречаемости переспросов в целом и переспросов-повторов в частности в вербальном поведении женщин, что согласуется с выводами многих исследователей о большем внимании женщин к речи как своей, так и собеседника, о большей их нацеленности на отношения и на относительную дистанцированность и автономию мужчин. Отчасти данный вывод подтверждается количественными показателями адекватного воспроизведения syllабической и акцентной структур переспрашиваемого, уточняемого фрагмента. Так, по нашим данным, в около 20% случаев женские переспросы в точности воспроизводили слоговую и акцентную структуру уточняемого фрагмента (см. 3Б₁).

4. А₁: Ну и что там порешили?

Б₁: Перешили?

А₂: Поорешили.

Б₂: А-а!

А₃: Ушами слушать надо! Понятно?

Полученные данные вполне соотносятся с многочисленными утверждениями лингвистов, начиная от О. Есперсена, о большей правильности и консервативности женской речи, о более неукоснительном следовании ими правилам кодификации [3, с. 242]. Причины подобного вербального поведения считаются по-прежнему неясными [4, с. 189], однако более высокая степень кодификации именно женского говорения оказывается наиболее легко устанавливаемой ее особенностью. В нашем анализе данная особенность проявилась в более точном воспроизведении фонетической структуры уточняемого фрагмента в речевых действиях переспроса, совершаемых именно женщинами, причем во всех сопоставляемых культурах.

У мужчин соответствующая цифра составляет только 8,75%. Кроме того, еще в 11,25% женских реализаций переспросов сохранялась структура ядерного и заядерного участка воспринимаемого сигнала (у мужчин 7,5%).

Интересны также знаки реагирования собеседников на переспрос. В нашем материале таковыми являются междометия (см. 2А₃) или дисфлуэнтные вставки. Могут также реализовываться комментарии по поводу неточностей восприятия (см. 4А₃) или нечеткости сигнала (то есть самого речевого действия, совершаемого собеседником). По нашим данным, дисфлуэнтные вставки и особенно междометия чаще сопровождают именно женские уточнения с некоторой вариацией показателей в зависимости от культу-

ры, к которой принадлежат коммуниканты. Наивысшие показатели регистрируются у американок, далее русских, затем англичанок и меньше всего белорусок. Комментарии, особенно сниженного характера (см 4А₃), в большей степени свойственны мужчинам, причем чаще всего именно в разговоре с женщинами, что согласуется с данными представителей теории сексизма, усматривающих в названной особенности дерогативность или агрессивность мужского вербального поведения.

На наш взгляд, правомерно усомниться, что такие реакции являются исключительно знаками желания унижить, указать на свое место. Думается, что они могут быть ответом на неожиданность вербального поведения коммуникантов-женщин, языковую специфику самих переспросов или тех речевых действий, которые потребовали переспроса.

Представляется целесообразным проследить, в каких конкретно случаях возникают переспросы, и какие наименования слышатся коммуникантам в случае неадекватного распознавания речевого сигнала.

Вернемся к приведенным нами фрагментам подлинного общения. Слово «писк» (фрагмент 1) оказалось трудным или неожиданным для собеседника-мужчины. Вместо него ему почудился «диск», явление, скорее, производственной, публичной, не частной сферы. «Не делится» (фрагмент 2), «делить», равно как и слово «drive» (фрагмент 3Б₁) также можно соотнести скорее с публичным, профессиональным миром, сферой успеха, в то время как «перешить» все-таки больше знак частного, домашнего мира.

Рассмотрим еще один пример.

5. А₁: *Кто так сказал-то?*
 Б₁: *Буш!*
 А₂: *Муж?*
 Б₂: *Ты что?! Президент Буш! Главный по стране.*
 А₃: *Ой! Хы, хы!*
 Б₃: *(насмешливо) Муж!*
 А₄: *Да! Ха-ха-ха!*

Как видим, в данном фрагменте имя Буш, реалия публичной жизни, не распознается женщиной как таковая (А₂). Ей чудится слово, не просто созвучное имени Буш, но соотносящееся именно с частной сферой, что и вызывает не только речевые действия пояснения, но и комментарии *Ты что?! (Б₂)*, перешмешку *Муж! (Б₄)*, реализованную в соответствующей интонационной структуре.

Аналогичная ситуация складывается в нижеследующем фрагменте общения на американском английском языке.

6. А₁: *Wallets do that, I tell you.*
 Б₁: *Let's do that?*
 А₂: *What did you say?*

Собеседница (сестра Б₁) не вполне уловила бизнес-ситуацию, сложившуюся в компании брата, ей почудилось нечто более соотносимое с семантическим пространством частной жизни, что, в свою очередь, вызвало уточняющий вопрос собеседника (А₂).

Представляется важным отметить, что все информанты, говорение которых составило материал нашего исследования, участвуют в сфере занятости, то есть мужчины и женщины являются профессионалами в своей области, поэтому предположение о возможной значимости занятости женщин только в сфере частной жизни как основании для различий в нашем случае не существенно. Скорее, несмотря на вовлеченность в общественную сферу, коммуниканты-женщины сохраняют приоритеты частного, домашнего мира, и их картина действительности в большей степени маркирована наименованиями именно данной перспективы интерпретации реальности.

Кроме общей отнесенности к той или иной сфере значимыми могут быть тематические стратификации слов. Так, женщинам вместо реально употребленных могут чудиться слова, относящиеся к семье одиночества. В нашем материале зарегистрировано таких случаев немного, но они все женские:

- Homish – lonely?*
Homey – lonely?
Lovely – lonely?
Синеокий – одинокий
И она тада – Одна? Она одна?
Её высочество... – одиночество?
Станюта – адзінота
Во гэта – адзінота
У цэйтноце – ў адзіноце

К данной тематической группе, на наш взгляд, относятся также переспросы, реализующиеся в виде слов *вместе/разам/together*, ибо они также отсылают к теме одиночества и шире, включенности, инклюзии. Неслучайно переспросы данной разновидности в нашем экспериментальном материале и в записях на основе наблюдений также соотносятся с женским говорением.

7. A₁: *I've got no idea **either*** [Dgaè]
 B₁: ***Together?***
 A₂: *Either* [Dgaè]
 B₂: *Oh!*
 A₃: *No idea, whatsoever.*
 B₃: *Hmm.* [h]
8. A₁: *I ўсё будзе. **Адразу.***
 B₁: ***Разам?***
 A₂: *Гэ-э, як?*
 B₂: *Кажаш, **разам?***
 A₃: ***Адразу,** кажу.*
 B₃: *А-а-а!*
 A₄: *Такк! Разумееш?*
9. A₁: *Что берем-то?*
 B₁: *Смотри, ты любишь, рыба в **тесте.***
 A₂: ***Вместе?***
 B₂: *Нет, я мясо. Я это те(бе) грю, што рыба в тесте есть.*
 A₃: *А-а!*
 B₃: *Да, так что берем, я мясо, а ты?*
 A₄: *А! Ой! Постой, постой, я еще, постой, я сейчас. Сейчас, сейчас (смотрит меню).*

В последнем фрагменте (9) коммуникант Б даже не понял, что реплика А₂ представляет собой переспрос и воспринимает ее как полноценный вопрос, запрашивающий информацию о том, оба ли они, то есть вместе ли, заказывают в ресторане что-нибудь на ужин. Как известно, быть вместе, не одной составляет ключевую потребность женского мира [5], поэтому переспросы данного плана, хотя и относительно малочастотные, наблюдаются во всех сопоставляемых культурах и составляют специфику именно женского говорения. З. Фрейд убедительно показал значимость оговорок для понимания структуры ценностных ориентаций личности [6, с. 16–22]. Переспросы, определенные «ослышки» на тему одиночества, инклюзии представляются явлением того же порядка, что и оговорки с соответствующими референциями в плане их значимости для описания ценностных ориентаций совершающих их говорящих субъектов.

В примере на английском языке (фрагмент 7) фиксируется довольно распространенный вариант произношения слова *either* [Dgaè] вместо [D~faè], который, безусловно, является фонетическим основанием для создания созвучной, рифмующейся в терминах литературоведов ассоциации со словом *together*. Фонетическое созвучие, однако, в той или иной мере прослеживается во всех переспросах. А вот повторяемость лексемы со значением инклюзии, совместности (вместе, разам, together) во всех четырех культурах наблюдается в вербальном поведении именно женщин, что позволяет говорить о значимости данной лексемы для структуризации ценностных ориентаций определенного гендера и об особенностях его (гендера) репрезентации средствами языка.

В мужском вербальном поведении явно более активирована весьма обширная тема, которую можно обозначить взятыми из их переспросов словами победа, сила, измена, обман, атака, энергия, борьба, захват, капкан, ловушка и т.п., один из примеров которых представлен в 3Б₁. Другими примерами могут быть следующие фрагменты.

10. A₁: *Як тая **папядушка.***
 B₁: ***Лавушка?***
11. A₁: ***У словаков.***
 B₁: ***Атака?***
12. A₁: ***Light back, please.***
 B₁: ***Fight back?***
13. A₁: ***That's O Key.***
 B₁: ***Have to obey?***

Сказанное справедливо и в отношении фрагмента 14, ведь семантика фразеологизма *save the day* соотносится с успехом, с удачно использованной возможностью выпутаться из затруднительной ситуации.

14. A₁: *And send an e-mail, anyway.*
 B₁: *Saved the day?*
 A₂: *Pardon?*

Весьма заметной особенностью является тенденция реализовывать переспросы с помощью несколько более сниженной лексики, наблюдаемой в вербальном поведении главным образом мужчин.

15. A₁: *Видишь, сколько **нагрузок**.*
 B₁: ***На пузо?***
 16. A₁: *А всех **обуть-одеть?***
 B₁: ***Обалдеть?***
 A₂: *Одеть! Обуть! Всех! Каково? А?*
 17. A₁: ***The cloak** (of snow) was very thick.*
 B₁: ***The moke?** (т.е. дурак, осел)*

Данная тенденция является самой эксплицитной особенностью, отличающей женские и мужские переспросы. В женском говорении таких переспросов случается почти в 6 раз меньше.

Весьма заметны также, однако немногочисленны, случаи переспросов в точке реализации наиболее ярких гендерно дистинктивных языковых средств, а именно редких диминутивных форм и объединений противоположных понятий в одной номинации, например:

18. *Светловато-темный. – Неразъемный?*
 19. *Найвялікішанькі – Не зваліўшыся?*
 20. A₁: ***Вотушки** нет!*
 B₁: ***Матушки?***
 A₂: *Вотушки!*
 B₂: *Мм!*
 A₃: *Вотушки нет, грю.*
 B₃: *Ну да.*
 A₄: *Да. Нет, грю!*

В приведенных фрагментах такими дистинктивными средствами являются редкие формы диминутивов, например, образованные от частиц (*вотушки*, фрагмент 20А), от названий, включающих противоположные характеристики в одном наименовании (*светловато-темный*, фрагмент 18). Разновидностью последних правомерно считать гендерно специфические образования, состоящие из морфем с противоположным значением (*найвялікішанькі*, фрагмент 19).

Весьма показательным в данном плане является следующий фрагмент подлинного общения.

21. A₁: *It's a very **vastish** country.*
 B₁: ***Nastish?***
 A₂: *Vastish, dear. It's a very vastish country.*
 B₂: *Ah, vastish! I see!*
 A₃: *Ye, that's right.*
 B₃: *Vastish country. Mm. Well, now!*

Диминутивы, образованные от слов, обозначающих значительные величины, по нашим данным, относятся к весьма характерным, хотя и редким особенностям женского говорения. В силу своей невысокой употребительности они в значительном количестве своих реализаций оказываются неожиданными для собеседников – мужчин и могут вызывать временные затруднения в общении, вести к переспросам или комментариям собеседника. В примере 21 таковыми являются переспрос B₁ и, главным образом, интонационный комментарий B₃: *Mm. Well, now!*, обнаруживающий эмоциональную реакцию на непривычное наименование *vastish country*, объединяющее смысл огромности (*vast*) и уменьшительный суффикс *-ish* в одном слове.

Примечательно, что в нашем материале только в говорении женщин зафиксированы крайне редкие переспросы в диминутивной форме, уточняющие смысл обычного, не уменьшительного по своей форме высказывания.

22. A₁: *It's a lasting thing, you know.*
 B₁: ***Lastish?***
 A₂: *Lasting, dear.*
 B₂: *Oh, ha-ha!*
 A₃: *Pfff!*

Казалось бы, подобные переспросы противоречат отмеченному ранее широко признаваемому стремлению соответствовать общепринятой норме, наблюдаемому в женском вербальном поведении. Вместе с тем, помимо общепринятой нормы, существуют еще и гендерно значимые предпочтения, одним из которых как раз и является склонность к диминутивизации [7]. Важнейшей функцией последней является отражение пространственных отношений. Женская языковая картина мира отличается большим приближением к говорящему субъекту, и средства диминутивизации оказываются весьма важными в экспликации данной приближенности [8]. Неслучайно, выбирая между общепринятой нормой и гендерно специфическими тенденциями, говорящие, как правило, предпочитают последнее, что и отражено в фрагментах 19, 20А₁, А₂, А₃, 22Б и других речевых действиях (см. фрагменты 22А₁, А₂; 19, 20А₁, А₂, А₃).

Выводы. Обобщая полученные данные, правомерно отметить, что реализация речевых действий переспроса, весьма незаметных единиц языковой деятельности, оказывается вовсе не чуждой гендерной стратификации, наблюдаемой в языке как деятельности в целом. Специалисты в области поэтики, изучая переспрос, пытаются установить особенности и пути дальнейшего развития рифмотворчества. Гендерные исследования переспроса позволяют в очередной раз убедиться в значимости гендерных стратификаций в языке и раскрыть способы конструирования гендера, которые используют говорящие. Кроме того, они позволяют помочь описать языки мужчин и женщин, которые уже активно используются в практике общения, показать, что гендерные упорядоченности в языке – реально существующий феномен, а не умозрительные фантазии, существующие только в трудах ряда парадоксальных исследователей. Проведенное изучение позволило получить результаты, показывающие, что данные стратификации проявляются даже в пределах такой малозначительной, с точки зрения основного содержания текста, периферийной единицы, каковой является речевое действие переспроса. Вместе с тем, несмотря на свою относительную краткость, речевые действия переспроса весьма разнообразны в плане отражения гендерной идентичности создающего их субъекта.

Установленные разновидности отличительных особенностей правомернее описывать не с помощью оппозиции наличие/отсутствие признака, а в терминах тенденций в использовании тех или иных средств. Таковыми, по результатам настоящего исследования, являются следующие:

- предпочтительное использование слов, соотносящихся с частной или публичной, профессиональной сферой;
- разная степень соответствия акцентовой и слоговой структуры переспроса и переспрашиваемого фрагмента;
- локализация переспроса в точках реализации наиболее дистинктивных в гендерном плане языковых средств;
- отличающаяся употребительность единиц определенного (более сниженного или даже табуированного) уровня;
- выбор единиц, соотносящихся с гендерно характерными темами (одиночества, независимости, победы, западни и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. O'Connor, J.D. Better English Pronunciation / J.D. O'Connor. – Cambridge University Press, 2004.
2. Шер, Ш. Девичья фамилия рифмы / Ш. Шер // Проблемы фонетики / отв.ред. Л.Л. Касаткин. – М.: РАН, 1995.
3. Jespersen, O. Language, its nature / O. Jespersen. – L.: G. Allen, 1924. – 448 p.
4. Бендас, Т.В. Гендерная психология / Т.В. Бендас. – М., СПб.: Питер, 2006. – 430 с.
5. Women's Growth in Connection / J.V. Jordan [et al]. – N.Y.: The Guilford Press, 1991. – 310 p.
6. Freud, S. Psychopathology of everyday life / S. Freud. – L.: Routhledge and Kegan Paul, 1966. – 207 p.
7. Пустрова, М.Д. О роли диминутивных средств номинации в конструировании гендера / М.Д. Пустрова // Вестн. МГЛУ. – 2007. – № 2. – С. 79–88.
8. Пустрова, М.Д. Гендерные особенности отражения пространства средствами языка / М.Д. Пустрова // Лингвистика XXI в. – М.: Флинта, Наука, 2014. – Вып. 3. – С. 555–560. – (Серия «Концептуальный и лингвальный миры»).

Поступила 01.02.2017

SPEECH ACTS ASKING FOR REPETITIONS THROUGH GENDER PERSPECTIVE

M. POUTROVA

The article claims that speech acts asking for repetition have their distinct illocution which consists in specifying what has been said. This illocution distinguishes them from other types of repetitions as well as from all varieties of speech acts that come up in authentic communication. The article outlines gender specific features of the speech acts and claims that it is important to describe them from the perspective of tendencies in the usage of language.

Keywords: repetition, illocution, specification, speech acts, language as an activity, rhyme, gender marker, authentic talking, frequency, syllabic structure, stress pattern, loneliness, aggression, power, autonomy.